

Марс Чернышевский - Бускунчак

Пресветлые дни Иннокентия Санненского и Валентина Учеблова

**Марс Чернышевский – Бускунчак
Пресветлые дни
Иннокентия Санненского
и Валентина Учеблова**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30481830
SelfPub; 2018*

Аннотация

Сборник из восьми юмористических рассказов о людях, которые когда-то были лучшими друзьями, а стали заклятыми врагами. Но юмор здесь очень условный. Если даже время не способно излечить, то можно не надеяться на реабилитацию отношений никакими хирургическими средствами.

Портрет Иннокентия Санненского

Иннокентий Санненский – начинающий акустический гитарист. А так же: куплетист, поэт, критик.

Правда, у него было совершенно другое имя, что было дано родителями при рождении Иннокентия-ребенка как такового. Истинно же он звался – совсем по-другому.

Но еще более необычным и загадочным является то, что Иннокентием звали его давнего приятеля, который исчез из поля зрения Санненского по непонятным причинам. Кеша его просто не видел давно – примерно тридцать пять лет. Да и тогда (тридцать пять лет назад) он его тоже не особо видел, а только слышал о нем несколько случаев от своих друзей, которых тоже с тех пор пока еще не встречал.

Так вот, у Иннокентия Санненского был друг, которого звали Валентин Учеблов (на самом деле у Валентина значится тоже другое имя при появлении на Божий свет, но он предупредил подобру-поздорову всех своих близких знакомых и родственников не выдавать его). Он прозвал Иннокентия – Жорой.

Кстати, у самого Учеблова было много литературных и поэтических псевдонимов. Вот, почти что окончательный (хотя и не совсем) список фамилий его теневого героя, каковым Валентин являлся сам:

Куиблин, Хербдаев, Стояблов, Муилин, Елбостов, Яйцевский (также фамилия Прохруев), Аяблов, Яблонов, Воблов, Чудилин, Квадратов, Шибздаев, Зопин, Блуищев, Хлеббайлов, Челнин, Челнчавчаев, Басранов, Лаптиптапдубаев, Еблыстов, Ебралов, Лабздеев, Пристроев, Яббонов, Наибин, Елбдаев, Блеблюблин, Грёбарев, Шитокрытин, Ебрас-тов, Блямбдин, Удродов.

(Но об Учеблове речь пойдет несколько позже – в рассказе «Портрет Валентина Учеблова»).

Так почему же, все-таки, Иннокентий Санненский появляется в этом сборнике под псевдонимом, а не под настоящим именем?

Да потому, что он поступил в университет Лобачевского на филологический и, проучившись там пятнадцать лет, с успехом его окончил. Тема его дипломной работы была "Гипотетика функций манустрала и ее влияние на судьбы героев в русской хлитературе второй половины XIX века". За основу взята "Анна Каренина" Л.Н.Толстого. А, кстати, Иннокентий Анненский был его любимым поэтом. Хотя, надо признаться, он об этом никогда никому не говорил.

Почему пятнадцать лет учебы? Да потому, что он работал все это время в рекламном бизнесе, т.е. мастерил рекламу для магазинов и аптек. Пилил, клеил, колотил, изме-

ржал, резал, и это то малое, чем ему приходилось заниматься. Основной же функцией его являлось: спорить, полемизировать, ругаться с начальством, иногда материться. Идем далее: кидаться, плевать, угрожать директору, иногда пинаться и драться креслами. Его бы уже давно уволили, да только вот, уж больно он хороший мастер. Поэтому начальство просто-напросто придумало ему жуткую месть. Оно заваливало его работой с ног до головы в момент сдачи экзаменов, и ему все время надо было брать академический. Вот так четырнадцать лет подряд. Но в пятнадцатый год его обучения все начальство ушло в отпуск в Альпы, и Кеша благополучно завершил свой студенческий эксперимент, слегка поизносившийся и изрядно польсевший.

Когда Жоре исполнилось 35 лет, он, неожиданным для себя и своего ближайшего окружения образом, был призван в Советскую Армию со зрением минус двенадцать. Призывная комиссия (врачи-окулисты военно-морского флота и военно-воздушных сил), осмотрев внимательно глазницы, сделали вывод: – Годен! – да и все остальные были с этим согласны.

Кроме самого Иннокентия. Он не любил войну. Он ненавидел военные фильмы. Он презирал все то, что было связано с бессмысленными человеческими жертвами на мировом поле боя. Кеша даже не мог выносить замечательных военных песен отечественных авторов. Он сжег все свои кни-

ги, связанных с милитаристской тематикой, а занимательный роман "Война и мир" использовал в туалетных целях.

В результате этого несогласия, наш герой стоял в очереди к главному врачу психиатрической лечебницы по улице Ульянова на предмет адекватности восприятия внешних свойств дебелого мира. Ему посоветовал поступить именно так Валентин Учеблов, пройдя тот же исторический путь от нормального человека к индивидууму, легко поддающемуся морской болезни и дезинтегративному психозу. Нужно было просто-напросто за пять минут до посещения врача нанести серию ударов головой об стенку. Это самое легкое и безопасное средство получить "белый билет".

И так, вооружившись тремя ударами головного мозга и несколькими малоизученными фразами Канта и Гегеля, Иннокентий Санненский входил в кабинет главного врача. Выходил он уже оттуда под белы ручки, с помощью двух санитаров, в смирительной рубашке, с гримасой обсессивно-компульсивного недомогания.

Кололи его изрядно, несколько раз за день. В основном это были сульфазин и галоперидол. Но и этих препаратов хватило, чтобы извлечь из пациента все, что было заучено и вызубрено за время подготовки в университет.

Иннокентий выступал с лекциями перед выпускниками мединститута в качестве главного психосоматического экспоната. Он читал наизусть "Анну Каренину", цитировал Ницше, жонглировал Фейхтвангером и анализировал клас-

сическую квантитативную метрику "Илиады" Гомера. Он был готов для поступления на филфак процентов на шестьдесят, хотя и этих знаний хватило для того, чтобы его провозгласили главным психически-неустойчивым клиентом за последние пятьдесят лет.

Прошло ровно два года, и Иннокентий был освобожден из лечебницы, благодаря которой он открыл себе дорогу в дзен-буддизм. После дзен-буддизма он стал заниматься на акустической гитаре. Играл медленно Баха, "Собор" Барриоса (еще медленнее) и что-то из «своего». Затем увлекся охотой на дворовых животных. По утрам, ровно в 5.15 он выходил на балкон и сшибал картофелем спящих котов, уснувших на деревьях. Его младший брат Андрюша не мог все это больше терпеть – сел на мотоцикл и уехал жить в Кулебаки.

Медицинское заключение:

Востоковедение и «Анна Каренина» – вот то, что сейчас составляет сущность Иннокентия Санненского. Ему сорок девять лет. У него длинная и узкая борода. Холост. Смотрит по телевизору Лигу Чемпионов – болеет за Депортиво Ла Корунья. Любит индийский красный чай, батон с маслом и позднего Декарта. А так же является главным конструктором рекламных щитов сети магазинов Eurospar, до сих пор не бреется и жалуется на Запад.

Портрет Валентина Учеблова

Как-то раз (а может быть даже и не раз), будущий эквилибрист акустической гитары Валентин Учеблов занимался дома ипсацией. Он был подвержен мощным атакам бесовской конницы из далекой восточной страны Малакии. В этот неподходящий момент в квартиру вошла его мать. Увлеченный важным делом, он не услышал звуки отворяющих дверь ключей и был очень удивлен...

Печаль, обнаруженная Валентином на лице матери, была глубокой, с признаками горького разочарования и тихого отчаяния. Так они простояли минут пять, молча, опустив головы, не смея нарушить тишину момента. После чего, не сумев перебороть в себе шквал интенсивных противоречивых чувств, тетя Клава захлопнула дверь и покинула квартиру. В плену жесточайших угрызений совести, Учеблов бросился по лестнице за ней:

– Мама! Вернись! Я тебе сейчас все объясню...

Осенний синдром

(Знакомство)

Валентин Учеблов лежал на широких гнилых досках, застеленных тремя бушлатами (сильно засаленными соляжкой и машинным маслом), что располагались в углу, возле теп-

лой батарее, четвертого моторного цеха горьковского автомобильного завода. Он отдыхал после трудного рабочего дня, который начинался спозаранку в 6.00 и продолжался до 8.30. Затем его настигал легкий сон до 9.30, после чего на заводе начинался долгий обед, вплоть до 11.00, и уже в 11.15, будучи совершенно обескураженным положением вещей и объемом произведенных моральных подвигов, уходил домой, оставляя все тяготы рабочих будней в цехах индустриального колосса.

Прошел год, как Валентин подал документы в отдел кадров и был принят в качестве моториста второго разряда, хотя он мало, что понимал в этом ремесле. Он был прирожденным музыкантом и поэтом, и данный талант от природы не то, что не гармонировал с его нынешней профессией, а вступал с ней в открытую бескомпромиссную схватку.

Зачем он делегировал себя на это предприятие, и почему он был туда зачислен, до сих пор непонятно. Валентин сам при редких наших встречах всегда уклоняется от прямого ответа или просто меняет тему разговора.

Так вот, одним таким серым и до тошноты обыденным утром он тягостно дремал, как вдруг его разбудил звонкий и нервный окрик:

– Валек! Хватит валяться! Айда в теннис постучим!

Это был его заводской товарищ по соседнему цеху инструментальщиков Данила Бухачев. Они иногда, когда было свободное время (а было оно практически всегда), устраивали

состязания по пинг понгу. Местных теннисистов, слоняющихся по заводу без определенной цели и места, было очень много, а Учеблов был одним из лучших, и с ним было очень престижно потренироваться.

– Ой, блин, Данила, напугал, – протянул пробудившийся от тяжелого сна Валентин, чуть не сломав себе обе челюсти от долгого и мучительного зевка. И еле-еле волоча ногами, побрел за своим другом, который в свою очередь очень эффектно жонглировал шариком, подкручивая его в момент удара поочередно двумя ракетками.

У Учеблова в этот день не было ни сил, ни желания играть, поэтому он, с удовольствием уступив в первой же игре, отдал ракетку следующему участнику бесконечных, ни на минуту не ослабевающих, соревнований. Ждать нужно было три партии из-за большой очереди, и наш герой примостился на подоконнике, прихватив с собой несколько старых номеров газеты "Горьковский рабочий", валявшихся без дела на подвесных стеллажах холодного помещения, где находился теннисный стол.

Вдруг, читая статью об успехе местного танцевального кружка на Всероссийском конкурсе производственных творческих коллективов, до него стали доноситься еле различимые (где-то в глубине заводских этажей) мотивы на фоне беснующегося шарика и изощренного мата играющих. Это была гитара, вернее гитарный перебор аккордов, и Валентин инстинктивно, словно зомби, пошел на эти звуки. Он

спустился вниз на два этажа и далее продлил свой путь по длинному коридору на приближающийся зов струн. Войдя в актовый зал, он увидел плотного круглолицего блондина, сидевшего на сцене и проникновенно перебирающего слегка расстроенные струны. Под аккомпанемент он что-то тихо напевал, и мелодия эта казалась довольно лиричной.

Увидев приближающегося Валентина, парень прекратил играть и отложил инструмент в сторону.

– Что ж, недурственно! Хорошо звучит. Гитарку, правда, надо немного подстроить, – произнес вошедший.

– Да я так, балуюсь, – скромно ответил музыкант. – А вы имеете какое-то отношение к гитаре?

– Да собственно, очень приблизительное, но слышу, что немного не строит. Можно я немного подтяну ля струну? – попросил Учеблов,

– А тогда разрешите мне посмотреть на подушечки Ваших пальцев? – обратился парень к Валентину, и удостоверившись в том, что его собеседник действительно имеет какое-то представление о гитаре, неохотно протянул инструмент Учеблову.

– Ну, вот. Совсем другое дело! – радостно сообщил Валентин, произведя несколько профессиональных манипуляций по отстройке инструмента, передав ее хозяину.

Затем сидящий на сцене исполнил несколько своих песен, которые также были отмечены весьма похвальными отзывами со стороны слушающего. После исполнения последнего

произведения автор услышал еще один обобщающий комплимент, чем был очень растроган.

– Ну, вообще, образно говоря, – промолвил Валентин, закуривая сигарету – я уже давно не слышал таких содержательных песен и такого гармоничного аккомпанемента. Очень недурственно!

– Да ладно, я то что! Вот есть у нас в районе гитарист, зовут его Валентин Учеблов, вот он настоящий мастер гитары! Виртуоз в высочайшем смысле этого слова!

Валентин ничего не смог ответить. Он стоял как вкопанный в этот блаженный миг, неожиданно свалившейся на него славы, который поразил его волю к произнесению каких-либо слов.

– У меня есть кассета, где он играет несколько классических произведений, – продолжал музыкант, немного смутившись странным молчанием и потупившимся взором нового товарища, – там он творит что-то невероятное, просто дух забирает, кажется, что это реально невозможно сыграть. Есть же люди в наших селениях. Эх! Познакомиться бы с ним! Но это, наверное, невозможно.

Тяжело вздохнув и видя, что его собеседник проглотил язык, блондин принялся что-то опять наигрывать на гитаре.

Поиграв минуты три, гитарист прервал свои переборы и отложил инструмент в сторону:

– Меня зовут Иннокентий Санненский!

– Валя Уч..... Гельман! – чуть не выдав себя, ответно пред-

ставился Валентин.

– Ты что, еврей?

– Так... наполовину.

– Везет тебе!

– Почему везет?

– Евреи все талантливые.

– Да ладно, брось. Всякие бывают... А можно мне тоже гитарку немного пощупать?

И Иннокентий учтиво, с неподдельным интересом передал инструмент своему новому поклоннику.

Подтянув еще немного строй и сыграв несколько простых аккордов для разминки пальцев, Валентин в течение десяти ближайших минут выдал такую серию головокружительных пассажей из своих недавних опусов, что сочинитель песен медленно стал сползать со своего стула. Ошарашенный Иннокентий, сползая все ниже и ниже, закрыл лицо руками. В какой-то момент он вскочил и прокричал:

– Все! Хватит!..... Невероятно! Этого не может быть!..... Такого не бывает!.... Поразительно!!!.... Валентин – ты просто.....!!!

– Да ладно, это так... Просто разминка, – передавая гитару Иннокентию, скромно произнес Учеблов.

– Нет, я уже больше не смогу никогда играть после того, что сейчас услышал, – разочарованно промолвил песенник.

– Ничего, дружище, – подбодрил товарища Валек, – я покажу тебе несколько упражнений. Это все не так трудно как

кажется, главное усердие.

Иннокентий Санненский не верил своему счастью! Неужели он когда-нибудь по настоящему сможет научиться играть!

И так они просидели в актовом зале и проговорили до вечера, не чувствуя усталости и голода, иногда что-то наигрывая друг другу. Валентин неистово показывал свои последние технические наработки, а Кеша не спускал глаз со своего нового великого знакомого, чувствуя невероятный прилив творческой энергии. Это все сулило ему полный переворот в его сознании, наконец-то он нащупал точку опоры, чтобы сделать огромный прыжок вверх в сторону нового приобретаемого смысла существования.

За окном уже потемнело, и новые друзья вышли на улицу. В припадке особо доверительных чувств и откровений, Учеблов задал Санненскому вопрос, который должен был обозначить временную точку расставания с надеждой на скорую встречу:

– Кеша, а какая у тебя самая заветная мечта?

Немного подумав, новый друг Валентина ответил:

– У меня их три. Чтобы денег было побольше, чтобы играть как ты и чтоб во всем мире был коммунизм.

– А как же тот парень, игрой которого ты восторгался, слушая его записи на своей кассете?

– Валек, извини, конечно, но тебе до него пока еще далеко! Он – гений!

Эта была последняя фраза, после которой друзья разошлись по домам. Валентин Учеблов шел по Парку Героев, и жуткое чувство поразило его сердце. Он не мог понять, откуда у него возникла ненависть к самому себе и обида на нового приятеля. Чем он сам хуже того гитарного эквилибриста? Ведь это был он сам полугодичной давности. С тех пор он занимался каждый день по семь-восемь часов, и, казалось бы, достиг самого совершенства. Он проклинал сам себя, он завидовал себе самому. Это было самое жестокое чувство, когда-либо испытанное Валентином. Это была его самая мрачная прогулка по темному, плохо освещенному парку. И, еле волоча ногами от усталости и злости, Учеблов подошел к своему подъезду, яростно распинывая сырые кленовые листья той долгой, дождливой и холодной осени.

Автозаводские романтики

Валентин Учеблов (Учеблов) был страстным поклонником дам. Никогда не упускал возможность подойти к обладательнице могучего таза и попросить закурить. Формат знакомства был не совсем джентльменский, но в автозаводском районе он зачастую имел успех.

И вот, одним морозным январским утром, когда первые предрассветные лучи лениво проступили чрез свинцовые облака, чуть осветляя унылые «хрущевки» на фоне злоеющих автозаводских труб, двое друзей, а именно Валентин и

его новый друг Иннокентий Санненский (Кеша, Жора) прогуливались по Парку Героев, наслаждаясь беседой о новых достижениях в искусстве исполнения на акустической гитаре. Были несмолкаемые споры по поводу освобождения правой руки, а также жарко обсуждалось различие приемов апояндо и тирандо. Разговор продолжался уже более трех часов, но собеседники не чувствовали ни усталости, ни легкого обморожения в суставах.

Подойдя к перекрестку, сердце Учеблова стало биться более интенсивно, чем обычно, и он сразу понял, в чем тут дело.

Действительно, через семь минут, подходя к месту пересечения проспектов Кирова и Ильича, взгляд Валентина упал на одинокую женскую фигуру, которая, подняв воротник, куда-то торопилась в этот предутренний час.

Ускорив шаг, друзья, наконец, настигли даму, и Учеблов первым окликнул ее:

– Девушка, извините, а у Вас не найдется закурить?

– Есть, – ответила она и полезла доставать из сумки папиросы, искоса поглядывая на уличных романтиков.

– Ой, дома оставила пачку. Что делать, даже не знаю, – посетовала она.

– Мы можем пойти к Вам домой и взять их там, – предложил Валентин, – правда, ведь, Жора?

Иннокентию было стыдно. Он отвернулся, чтобы никто не видел его покрасневшее лицо.

– Да, конечно, я была бы очень рада! – вдруг объявила незнакомка.

– Ну, отлично! Тогда идемте побыстрее, пока курить не расхотелось! – сказал радостно Учеблов.

Валентин был человеком некурящим, как собственно и его друг. Нужен был просто повод.

– Меня зовут Леопольд, фамилия моя Гельман, – представился Валентин.

– А меня Жанна, можно без фамилии.

– А это мой друг Жора, он начинающий гитарист и гениальный песенник.

Кеша опять покраснел от смущения и глубоко вздохнул.

– Ой, как это прекрасно, у меня дома как раз гитара на стене висит, – призналась Жанна.

– А это совсем не обязательно, главное чтобы папиросы были, – промолвил Иннокентий.

– Вы чем занимаетесь? – поинтересовалась Жанна, обращаясь к Учеблову.

– Я занимаюсь производством пеналов для детей дошкольного возраста.

– Ой, как это прекрасно! Значит, Вы любите детей?

– Несомненно.

– Я тоже очень их люблю, ведь я работаю в детском саду, правда, на данный момент я в отпуске.

– Что ж, недурственно! – обрадовался Валентин. – А у Вас, Жанна, большая квартира?

Иннокентию стало ужасно стыдно от задаваемых товарищем вопросов, и он начал часто и громко дышать.

– У меня на данный момент четыре комнаты, общая площадь сто десять метров. Живу я там пока одна. Скажите Леопольд, а что, у Вашего друга астма?

– Нет, он просто давно не делал зарядку. Немного запылся.

Жора ткнул Валентина в бок.

– Какие вы необычные парни, наверное, не из нашего района. У нас все пьют и дерутся.

– Нет, мы не такие, я вообще родом из Питера, – тут же соврал Учеблов, – а так же, у меня черный пояс по каратэ. С нами не страшно.

– Ой, а я никогда не была в Ленинграде. Как там, красиво, наверное?

– Ничего хорошего. Город как город. Люди тоскливые, воздух сырой и повсюду пахнет ветхими досками. Хотя есть места неплохие. Я, в общем-то, там человек довольно известный и немного устал от всеобщего внимания, поэтому решил отдохнуть от столичной суеты и навестить здесь дальних родственников. Кстати, Жора мой троюродный брат.

Кеша опять задышал, недовольно покачал головой и щелкнул пальцами.

– А чем Вы так знамениты Леопольд? – поинтересовалась Жанна.

– Как, Вы разве не слышали? Дело в том, что разработка

пеналов – мое хобби. На самом деле я известный продюсер, стоял у истоков свердловского рок клуба и играл в проекте Наутилус Помпилиус. Потом переехал в Питер и стал помогать делать первые шаги группе Аквариум. С Гребнем у нас не сложилось, поэтому я стал заниматься Шевчуком. Можно сказать, что они оба состоялись благодаря мне. Как будет время, я расскажу обо всем этом, а пока мне надо позвонить в Москву Филиппу. У Киркорова послезавтра юбилей, надо бы его предупредить, что приезжаю.

Они подошли к телефону-автомату, и Валентин вошел в него, проронив фразу:

– Я сейчас, буквально две минуты, – и захлопнул за собой дверь.

Жанна стояла, как вкопанная. Она не знала, что сказать. Неужели это правда?

– Нет, неправда. Врет он все, – неожиданно прервал молчаливое смятение Жанны Иннокентий, – никакой он не продюсер, а обычный человек, и никаких у него особенных талантов я никогда не наблюдал. Работает на автозаводе в моторном цеху, производя шурупы для троллейбусов. Не верьте ему. Он всем девушкам так говорит, а ему все верят.

– Да? Жалко, – печально произнесла Жанна.

– А я действительно хороший песенник. Как-нибудь я к Вам приду, спою, и Вы убедитесь на самом деле – кто я такой.

Девушка стояла и молча смотрела через стекло телефона автомата на Учеблова, который очень активно жестикулиро-

вал руками, разговаривая по телефону.

– А я Вам нравлюсь? – вдруг прошептал Жора, обращаясь к даме.

– Ой, да, конечно, – не ожидая такого откровенного вопроса, иронично ответила Жанна, – конечно, я нахожу Вас довольно симпатичным.

И снова повернулась в сторону телефона-автомата.

Тут Иннокентий неожиданно осмелел, выпрямился и начал было горланить арию Фигаро, как телефонная дверь открылась.

– Тише, кретин, время-то сколько?!!! Люди еще спят, – выпалил Валентин.

– Передал Филиппу от меня привет? – прокартавил с усмешкой Кеша.

Валентин тихо улыбнулся, и все трое продолжили путь в глубь автозаводских дворов.

– Вот и мой дом, мой подъезд, – объявила Жанна.

– Да, недурственно, – отреагировал Учеблов (он же Гельман, Еблыстов, Лаптиптадубаев, Яйцевский). – Ну ладно, Жор, мы с Жанной, пожалуй, пойдем. Завтра созвонимся.

– А как же я? – занервничал Кеша.

– Ну, я же с девушкой.

– А как же я? Неужели ты меня бросишь здесь одного?

– Жора, я же с девушкой.

– А можно мне с вами?

– Жора, куда с нами-то?

– С тобой и Жанной.

– Куда?

– К Жанне.

– Жора, ты в своем уме?

– Что же мне делать?

– Идти домой. Завтра созвонимся. Все Жанна, идем!

Валентин с мадам стали подниматься по лестнице, но Иннокентий все никак не унимался, волочась за ними:

– И я можно тоже?

– Чего ты тоже?

– Тоже.

– Что?

– И я тоже... Потихоньку...

Вы куда запропастились?

Валентин Учеблов (Учеблов) и Иннокентий Санненский (Кеша, Жора) никак не могли поступить в музыкальное училище на классическую гитару ввиду того, что перед новым поступлением, а именно за месяц до 6 июля (дата сдачи экзамена по спец.) каждого года, теряли из виду своего преподавателя Николая Зиновьевича Палкина, который тщательно их готовил на протяжении всего осенне-зимне-весеннего периода.

И вот однажды, 5 июля 1989 года, оба абитуриента, про-

гуливаясь по центральной улице города НН, случайно засекали своего учителя, бегущего по тротуару с деловым и очень сосредоточенным видом. Преподаватель внешне выглядел очень важно. Его взгляд был устремлен в даль. Было видно, что он спешит и приближается к цели.

Молодые, хотя уже и не юные, музыканты окликнули его:

– Николай Зиновьевич! А вот и мы!

– Ребята, привет, вы что тут делаете?

– Мы гуляем и Вас везде ищем. Куда Вы запропалились?

У нас завтра экзамен по спец., и не можем Вам дозвониться уже полтора месяца!

– Ой, чуваки, извините, мне ужасно некогда. Я сейчас пью.

Трудоустройство

Иннокентий Санненский (Кеша, Жора) пришел к Валентину Учеблову (Учеблов), чтобы поделиться радостным известием:

– Учеблов, знаешь, а меня приняли на работу в филармонию.

– Да, ну! – удивился Валентин.

– Именно так! Не поверишь, сейчас расскажу. Будешь слушать?

– Нет.

– Тогда, слушай. Звонит мне сегодня знакомая из филар-

монии Сяся Абрамовна Батц. Ну, помнишь, я тебе о ней рассказывал? Она из концертного отдела, ну, что мероприятия всем заделывает на городских площадках. Она тебя знает, сказала, что тебе концерт когда-то организовывала. Ну, помнишь, с Елбостовым вы когда-то играли вместе?

– Нет, не помню.

– Ну, в общем, короче. Звонит она мне и предлагает работу: "Хочу ли я", – спрашивает, – "аккомпанировать Николаю Квадратову на гитаре и получать при этом двести рублей в месяц?"

– А ты что на это ответил? – вяло поинтересовался Учеблов.

– Сказал, что да. Очень хотел бы. Помнишь Квадратова?

– А это еще что за пентюх? – без энтузиазма запросил информацию о человеке Учеблов.

– Короче, это типа оперный вокалист – выпускник нашей "консы". Когда-то не мог двух фраз друг с другом соединить, все время – мимо нот! А теперь он – звезда! Все «корпоративки» его. Я естественно согласился. Как думаешь, правильно сделал?

– Думаю, что ты совсем опустил. Жора – ты же настоящий музыкант, неплохой гитарист, меломан, теоретик гармонии в септаккордах. В общем, человек редкого музыкального дарования, а соглашаешься на такие работы. Смотри, твоя воля, конечно, но я, как человек искусства, не могу поддержать твой выбор.

– Да? Думаешь? А может, все же, попробовать? Как никак новый опыт и деньги неплохие. С работой сейчас у меня не очень...

– Слушай, поступай, как считаешь нужным, но знай, всех денег на свете не заработаешь, а оказаться внизу можно в миг, – пояснил Валентин, – ты ведь сам в курсе, какие там бывают разговоры у этих вокалистов, люди они недалекие – бабы да футбол. Жора, смотри, подумай хорошенько. При том, что наше гитарное сообщество будет на тебя коситься. Тебе это надо? Только вошел в доверие.

Иннокентий слушал Учеблова, уронив печальный взгляд в пол. Настроение у него явно испортилось. И действительно, а стоит ли это того? Уже не будет свободного времени, которое Кеша очень ценил. Он был увлечен новыми достижениями в области современного контрапункта и рудиментарной монограммы. Иннокентий мечтал написать на эту тему научную работу, но рука никак не поворачивалась – слишком серьезная тема и большая ответственность.

Выйдя из квартиры друга, Санненский позвонил Сясе Абрамовне Батц и попросил один день на раздумье.

В течение следующего дня Иннокентий все время размышлял и почему-то был немного обижен на Учеблова, что тот отговорил его. Конечно, Жора понимал, что за словами его друга скрывается истина высшего порядка. Честность перед мировой культурой – часть природы Валентина и он в этом был даже немного категоричен, за что его Жора очень ува-

жал и ценил. Он был для Иннокентия примером вот уже более четырех лет их творческой дружбы.

Но вечером следующего дня с Кешой внезапно случился припадок алчности и немислимого скупердяйства. Ему настолько стало жалко денег, которые мог бы заработать, что впал в отчаяние. До полуночи не мог ни на что решиться: поинноваться ли зову совести и продолжать свои музыковедческие эксперименты или же удовлетворить свои экономические запросы. Иннокентий долго метался по квартире, пока не успокоился и не ушел в медитацию. Наконец, Жоре удалось сконцентрироваться на светлом образе Арджуны, который на удивление беспокойного гитариста, тут же пробудился:

– А какого хрена ты Учеблова слушаешь? Он кто такой, вообще? Патер Лоренцо, чтобы указывать, как тебе быть? Тебе нужен телевизор, чтобы смотреть Лигу Чемпионов, и ты его должен купить, понял?"

И Арджуна исчез.

Кеша пришел в ярость от этих слов: "Действительно, а какого фига????!!! Пошел этот Учеблов на ...! Все, завтра иду устраиваться на работу!"

На следующее утро Иннокентий смело открыл двери филармонии, и деловито пронесся мимо, остолбеневшей от наглости вошедшего, вахтерши в сторону отдела кадров. Пробегая по коридору, он услышал знакомый тембр вокалиста Квадратова, доносившийся из репетиционного зала. Войдя

туда, чтобы поприветствовать своего нового коллегу, Кеша вдруг заметил еще более знакомое лицо Валентина Учеблова, который, сидя скромно в дальнем углу, настраивал свою недавно купленную в Ленинграде гитару известного мастера Мануэля Рамиреса.

Репетиция должна была вот-вот начаться.

За гитарой

(Расставание)

Два закадычных друга, две активные творческие единицы – Иннокентий Санненский (Кеша, Жора) и Валентин Учеблов (Учеблов) поехали в красивый город Ленинград, чтобы купить гитару "с рук" для нужд Валентина, погулять белыми ночами по «Невскому» и посмотреть издалека на северное сияние.

Еще в поезде в плацкарте между ними произошло некоторое недопонимание. Играя в "дурака", Валентин подсунул Жоре вместо бубнового валета – червового.

– Ну, ты и осел! – вскипел Иннокентий, бросил карты на пол и отвернулся, устремив свой пронзительный взгляд в окно, полный обиды и желчи. Больше он с карточным оппонентом не разговаривал аж до самого Ленинграда.

В северной столице Санненский тоже старался не замечать Учеблова, но надо было как-то совместно существовать.

Именно тогда-то Жора сильно пожалел, что отдал заранее все свои деньги Валентину, как главному казначею поездки. И пошел бы Иннокентий по своим делам и направлениям, да вот, не на что.

А Учеблов не спешил отдавать приятелю его долю и делал вид, что не знает о чем вообще речь. Таким вот образом, Кеша плелся за Валентином по Невскому проспекту, давая при этом понять всем ленинградцам и гостям города, что не знает Учеблова.

Вдруг Валентин сорвался с места и побежал. Видя, что ситуация выходит из-под контроля, Санненский бросился вдогонку. Пробежал Учеблов метров двести, потом резко остановился и опять пошел не спеша, как ни в чем не бывало. Догнав Валентина, Жора опять определил комфортный для себя интервал – не менее десяти метров, и вновь пошел за товарищем.

Гитарист Учеблов предпринял еще несколько попыток повторить побег, но безуспешно. Санненский не отставал, и все время плелся в хвосте. В юности он играл в футбол, где выполнял миссию бровочника (или, как модно сейчас выражаться – вингера), поэтому убежать от советского футболиста было делом непростым.

Тогда Валентин решил зайти в кафе пообедать, тем самым, стараясь запутать следы, но опять не рассчитал. Через две минуты туда же прибыл и бывший спортсмен.

Друзья, естественным делом, стояли по разные стороны

очереди, так как, уже известно, что Жора пришел позже. Поэтому в тот момент, когда Иннокентий подходил к кассе, чтобы расплатиться за обед, Валентин сидел за столом и уплетал суп. Тут Жора нашел в себе мужество и подошел к товарищу.

– Позолоти ручку, – выставив руку вперед и отвернувшись от обидчика, потребовал Иннокентий.

Учеблов молчал и при этом громко чавкал. Хотя такого свинства он себе не позволял, даже когда оставался дома наедине с кошкой.

– Повторяю фразу... позолоти ручку! – грозно прикрикнул на Учеблова обиженный друг.

Валентин полез в карман и достал тридцать копеек.

– На.

– Этого мало. Дай еще, – трезво оценил ситуацию Кеша, еще заранее ознакомившись с прайс листом.

Валентин насчитал еще десять и протянул Жоре.

– А так хватит?

– Пока хватает. Потом отдашь остальные, – надменно произнес друг гитариста.

Иннокентий ушел расплачиваться за обед и вскоре вернулся с подносом, на котором одиноко дымилась общепитовская тарелка со щами.

Тут Жора попытался приступить к приему пищи, но безуспешно:

– Ааа! Блин! Тьфу! Горячий, зараза!

Учеблов только усмехнулся и продолжил чавкать, доедая куриный бульон.

– Как ты вообще можешь хлебать такую обжигающую хрень? Слышишь? Ты! – Возмутился Жора.

Но Валентин молчал, облизывал ложку, картинно закатывая от удовольствия свои хитрые карии глаза.

Прошло еще минут пять, и Иннокентий опять зачерпнул ложку щей:

– Аааааа! Гребанный стыд! Эта похлебка когда-нибудь остынет? – вновь вознегодовал Иннокентий и ударил ложкой по столу.

Все присутствующие ленинградцы в кафе испугались, и сделали вид, что ничего не слышали.

Тут Валентин доел бульон и, видя почти безнадежное положение своего друга, вдруг предложил Иннокентию сделку.

– Слышь, мухомор? Давай, ты мне свою тарелку супа, а я тебе сосиску без гарнира. Идет?

– Ну, ты наглеее! – простонал приятель Учеблова, – хотя, давай. Он, наверное, никогда не остынет, – ни с того ни с сего согласился Кеша, неожиданно смягчив тон.

Едоки обменялись яствами, но тут, произошло нечто. Не успел Санненский вогнать в рот кусок сосиски, как на его глазах тарелка щей, которая когда-то принадлежала ему, пришла почти в полный упадок за какие-то мгновения.

– Слушай, Учеблов, ты в своем уме? Ты нормальный или нет? Как можно поглощать с такой скоростью раскаленную

жидкость? А? Признавайся!

Валентин ничего не ответил, взял тарелку в руки и аппетитно допил оставшиеся Жорины щи.

– Ты все-таки нечеловеческий экспонат. Слушай, а в твоей родне в свинарне никто не работал случайно? – спросил Кеша своего напарника.

Но Валентин ничего опять не ответил, только слегка потер салфеткой губы, поднялся со стула и пошел на выход из кафе. Санненский сначала молчаливым взглядом стал провожать Учеблова, но когда заметил, что тот опять побежал, заорал на весь зал:

– Ты куда? Вернись! Отдай деньги, чучело!

Но на этот раз Учеблов убежал так молниеносно, что Санненский не успел и моргнуть.

Весь день футболист бегал по Ленинграду с сосиской в кармане, отгрызая по маленькому кусочку, но так и не нашел гитариста.

Двадцать лет спустя, мы с Иннокентием сидели у меня на кухне, пили брусничный чай и вспоминали времена давно минувшей, но еще такой теплой жизнеустойчивой юности. Настроение было пресветлое!

Но, черт дернул меня передать ему привет от Учеблова. Я так надеялся на волшебное излечивающее свойство, коим обладает время. Лицо Жоры побледнело, губы подмялись, руки затряслись и, ударив по столу чайной ложкой, он вдруг

прохрипел:

– А, что... Свинопас разве еще жив???

Ботинки

(Неожиданная встреча)

Однажды, десять лет спустя, после той фразы, что определила конец предыдущего рассказа, шел Учеблов по улице и встретил Санненского, которого не видел вот уже тридцать пять лет.

– Привет! – говорит Учеблов.

– Здорово! – отвечает Санненский.

– Как жизнь? – спрашивает Учеблов.

– Да как-то так, в двух словах-то и не скажешь, – томно ответил старый друг.

– Давай, знаешь, что сделаем? Встретимся специально и поговорим, – заявил Учеблов.

– Давай, – неожиданно быстро согласился Санненский.

– Но где и когда? – спросил Учеблов, предлагая Санненскому взять инициативу по назначению встречи.

– Через полгода в центре Сормово, – не задумываясь, ответил Санненский.

Так и решили.

Валентин каждый день думал о предстоящей встрече и почему-то был уверен, что она сможет излечить его старую ду-

шевную рану.

Итак, ровно через полгода Учеблов поехал на встречу с другом в центр Сормово. Он приехал туда заранее, еще утром. Так простоял несколько часов в ожидании, но приятеля было пока не видно.

– Немного опаздывает, – подумал Валентин, – ну, ничего, скоро подъедет.

День уже тянулся к вечеру, но Жоры все не было. Уже поредели людские толпы, и городской транспорт заканчивал свою работу.

– Приедет.

В какой-то момент Учеблов понял, что стоит один посреди большой темной площади, освещенной двумя тусклыми фонарями. Мороз сковывал конечности, и порой было невыносимо. Валентин прислонился к фонарному столбу.

– Приедет, обязательно приедет.

Вероятно, он так был увлечен ожиданием, что незаметно для себя заснул. Очнулся только от жуткого холода и боли в ногах... Осмотрелся. Уже светало. Пальто и брюки были на нем, а вот ботинок не было.

– Куда же они могли деться? – спросил Учеблов сам себя.

– Как куда? Обули тебя, пока ты спал, – очевидно, ответил ему внутренний голос.

– Но кому понадобились мои старые страшные ботинки? – спросил у него.

Ответа не последовало. И, совершенно обескураженный

холодной реальностью ситуации, Учеблов тихо побрел домой.